

УДК 81.371
ББК 81.0

Е.А. Шушмарченко

**РОЛЬ ОБРАЗНЫХ
НОМИНАЦИЙ
В ФОРМИРОВАНИИ
КОНЦЕПТА
«ОДИНОЧЕСТВО»
В РОМАНЕ РЭЯ БРЭДБЕРИ
«СМЕРТЬ – ДЕЛО
ОДИНОКОЕ»**

Дано описание художественного концепта «одиночество» в романе Рэя Брэдбери «Смерть – дело одинокое». В творчестве писателя исследуемый концепт представлен в основном образными номинациями, которые конкретизируют концептуальные признаки и раскрывают аспекты ментальной сущности концепта. В результате изучения репрезентаций концепта «одиночество» в романе было сформировано индивидуально-авторское представление об одиночестве.

Ключевые слова: *концепт «одиночество», образные номинации, ментальное пространство концепта, художественный концепт.*

Шушмарченко Екатерина Александровна – аспирант, ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина
Тел.: +7-922-600-06-11
E-mail: cait.riona@yahoo.com

© Шушмарченко Е.А., 2015.

Представление носителя языка о каких-либо явлениях действительности складывается под влиянием произведений искусства, в частности художественной литературы. При этом в авторском тексте наряду с универсальными, общечеловеческими знаниями присутствуют уникальные, индивидуально-авторские представления. Каждое литературное произведение «воплощает индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира, т.е. частный вариант концептуализации мира» [Бабенко, 2004, с. 108]. Анализ репрезентаций того или иного концепта в тексте художественных произведений позволяет более полно описать их ментальную сущность и обнаружить индивидуально-авторский взгляд на мир.

Предметом рассмотрения в данной статье является образный компонент концепта «одиночество», так как именно в художественном произведении объективный фактор отображения денотативной связи явлений проявляется наряду с субъективным восприятием действительности, т.е. «ассоциативно-образное совмещение фактов, событий, явлений действительности» [Бабенко, 2010, с. 15]. Источником материала выбран роман Рэя Брэдбери «Смерть – дело одинокое».

Название этого романа содержит метафору одиночества, являющуюся ключевым средством репрезентации концепта. Все персонажи романа – это одинокие люди, не имеющие семьи, друзей, беспомощные и уязвимые: старик, проводящий целые дни на трам-

вайнрой остановке; старушка, будто древняя птица археоптерикс, лежащая на кровати в незапертом доме; актриса немого кино, отказавшаяся от публичности; оперная дива, проживающая свою жизнь у холодильника; психиатр, пытающийся помочь «заблудшим»; владелец парка аттракционов, который вот-вот должны снести; и сам рассказчик, 27-летний писатель, чьи рассказы почти не печатают и чья девушка уехала в Мексику.

В названии романа «Смерть – дело одинокое» совмещены на основе образной ассоциации два концепта: смерть и одиночество. В творчестве Рэя Брэдбери их ментальные пространства совмещаются, уподобление их достигается употреблением в семантической структуре предложения тождества.

Концепт «одиночество» репрезентируется в тексте прежде всего синонимами с семантикой эмоционального состояния. Это синонимический ряд *alone, solitary, lonely, lone, lonesome, forlorn, desolate*, семантическая идея которого актуализирует аспект восприятия субъектом своего одиночества: «находящийся или чувствующий себя вне общества других людей, один, одинокий, покинутый, оставленный» [Англо-русский синонимический словарь, с. 31 – 34], а также синонимический ряд *solitude, loneliness, isolation, seclusion*, в семантике синонимов которого акцентируется причина одиночества, которая заключается в утрате связи с другими людьми, что отражается в их семантической идее: «состояние отсутствия общения или связи с другими людьми, уединение, одиночество, изоляция, затворничество, отшельничество» [Там же, с. 400 – 403]. Кроме того, для обозначения одиночества привлекаются однокоренные слова других частей речи, такие как наречия (*lonely, solely*), прилагательные (*sole*), причастия (*secluded, isolated*), глаголы (*desolate, isolate, seclude*) и пр. Все перечисленные выше лексические средства представляют собой основные репрезентации концепта «одиночество», актуализирующие основной когнитивный признак в ментальной сущности концепта.

В анализируемом романе Брэдбери большое значение имеет использование образных средств репрезентации концепта «одиночество». По мнению исследователей, в художественном тексте «образные средства представляется целесообразным интерпретировать как совокупность лексических и фразеологических единиц, семантическая структура которых представляет собой концептуальное взаимодействие предметно-логического и переносно-фигурального денотатов» [Синцов, с. 116].

В анализируемом материале было выбрано 145 контекстов, содержащих репрезентации концепта «одиночество». Из них 38 контекстов содержат прямые номинации (прилагательные *alone, lonely*, существительные *loneliness* и *lonelies*), 50 контекстов содержат совмещенные смыслы (существительные *rain, darkness, night, fog, mist, silence* и т.п.), которые в романе участвуют в образной номинации концепта, и 57 контекстов собственно образных номинаций одиночества. Таким образом,

можно отметить количественное превосходство образных номинаций концепта «одиночество» над прямыми в тексте романа Брэдбери.

Как показал анализ материала, образные репрезентации концепта «одиночество» в романе «Смерть – дело одинокое» формируются как контекстными синонимами, так и метафорическими высказываниями. Такими контекстными синонимами, создающими образное представление одиночества, являются следующие слова (в алфавитном порядке): *abandoned, despair, emptiness, empty, failure, lost, lostness, mediocrity, nothing, special, unprotected, vulnerable*.

Рассмотрим часто встречающееся в номинации концепта прилагательное *empty* (пустой). Оно употребляется для обозначения как ситуации одиночества в целом, так и описания эмоций одинокого человека. Словарь Oxford Advanced Learner's Dictionary дает следующее значение прилагательного *empty* для обозначения человека или жизни человека: «unhappy because life does not seem to have purpose» (несчастный, потому что жизнь, кажется, не имеет смысла) [Oxford advanced learner's dictionary, p.500].

Кроме того, использование слова *empty* передает атмосферу одиночества как чего-то удручающего и неприятного: «I read the *emptiness* half a dozen times, feeling something roll over and die in my chest».

Или, например, в контекстах «I was busy staring across the glaring white arctic *emptiness* of the shop», «Only the *empty* shore and the *empty* house saw us drive away» то же слово передает атмосферу пустоты, отсутствия кого-либо рядом с персонажем.

В подобном состоянии одиночества персонажи испытывают желание бежать далеко-далеко от этого серого мира и спрятаться так, чтобы одиночество не смогло настигнуть: «Crumley's car drove us away from her house, away from my house, away from phones that rang at the wrong hours, away from the gray sea and the *empty* shore and the remembrance of drowned swimmers». В этом случае есть два контекстных синонима, *empty* и *away*, являющихся разными частями речи, но выполняющих одну и ту же текстовую функцию, раскрывая семантическую идею одиночества как пустоты и серости.

В некоторых контекстах ментальные пространства концептов «одиночество» и «смерть» соединяются, концепты вступают в отношения тождества, и становится сложно провести границу между этими концептами. Например, в следующем контексте «With the *empty* pier end ahead, its skeleton being fleeced, and a tidal wave of fog storming toward shore, I felt a fusillade of cold darts in my back» пустой пирс предстает в пугающем образе скелета без кожи (это образ смерти), и персонаж переживает весь спектр отрицательных эмоций (холод, страх), находясь в одиночестве в пустом пугающем месте. Или в следующем контексте «But now, long after midnight with the last trolley gone to destinations north along the *empty* sands, the canals lapped their black waters and sucked at the cages like old women sucking their *empty* gums» образ старой беззубой женщины усиливает состояние тоски, одиночества, конечности жизни.

В контексте всего произведения прилагательное *empty* становится контекстуальным синонимом прилагательного *alone*. В тексте можно увидеть слово *empty* рядом с прилагательным *alone* или его синонимами (например, *nothing*): «There's only one person left to kill. One last *Lonely*. The *empty* one. You»; «*Nothing. Nothing* but the fog sifting across the *empty* boulevard». Существительное *nothing* имеет то же значение, что и прилагательное *empty*, указывающее на отсутствие чего-либо где-либо. Таким образом, можно утверждать, что образные номинации раскрывают концепт «одиночество» одновременно как физическое и эмоциональное состояние.

Рассмотрим другие контекстные синонимы: прилагательные *lost*, *unprotected*, *vulnerable*, *special* и существительные *despair*, *mediocrity*, *failure*, *lostness*, которые дополняют и обогащают содержание концепта «одиночество» такими смыслами, как *потерянность*, *незащищенность*, *уязвимость*, *заурядность*, *посредственность*, *отчаяние* и пр., раскрывая эмоции одинокого человека и отношение к нему окружающих. Одиночество представляется окружающим как преступление. Быть одиноким – значит быть не таким, как все, а быть другим – это противоречие социальным нормам. Одиноким человек показан как чужой этому враждебному миру («*Alone and special* in this thunder-lizard territory»), уязвимый («*I'm lonely... and vulnerable*»; «*I should never have come down here and left you alone up there, unprotected*»), посредственный, неудачливый, заблудший («*The Lonelies. All of them. Their crime was giving up or never having tried. It was mediocrity or failure or lostness*»), отчаявшийся и потерявший всякую надежду («*I backed off, pulling away from that terrible sentence of loneliness and despair*»). Такие разные характеристики одиночества, представленные в контексте одного произведения, говорят об особенном отношении автора к одиночеству и одиноким людям.

Объектом ассоциативно-образного изображения, связанного с переживанием одиночества, в романе может быть место, в котором находится персонаж, сам персонаж или его состояние одиночества. Так, например, для описания места пребывания одинокого человека автор использует метафору *stale crackerbox flat* и сравнение *as an icebox abandoned by the Okies on the way west*. В этом контексте изображается квартира главного персонажа – одиноко живущего писателя: это место настолько мало и старо, что напоминает «коробку залежавшегося печенья»; его кровать так одинока, как «холодильник, брошенный мигрантами в дни Великой Депрессии по дороге на запад». Человек, находящийся в таком месте, чувствует состояние своего одиночества острее, переживая отсутствие близких и друзей. В романе место жительства каждого одинокого человека представлено по-разному: один живет в саду, другой в многоквартирном доме, но при этом пространство одинокого человека всегда имеет одну общую черту – это замкнутое пространство, в котором не хватает места.

Также в романе есть символ одиночества, повторяющийся и в других произведениях Рэя Брэдбери, – это сирена на маяке (*foghorn*). Ге-

рои романа отмечают, что когда они слышат затерянный в тумане звук сирены, чувствуют непреодолимые одиночество и пустоту: «*And that damn foghorn blowing out in the bay, does it get to you? Some nights... when that foghorn goes off, I feel so alone...*». Этот символ также подтверждает, что концепты «одиночество» и «смерть» в творчестве писателя неразрывно связаны: «*During the night the fog thickened, and way out in the bay somewhere sunk and lost, a foghorn blew and blew again. It sounded like a great sea beast long dead and heading for its own grave away from shore, mourning along the way, with no one to care or follow*». В последнем примере концепт «одиночество» выражен образной номинацией *with no one to care*, который подчеркивает идею о том, что у одинокого человека нет близких, друзей или знакомых, которые могли бы ему помочь.

Таковыми же символами одиночества, как и сирена на маяке, являются старый венецианский пирс (*the old Venice pier*), старый красный трамвай (*the old red trolley*) и старая трамвайная остановка, усыпанная конфетти из трамвайных билетов (*one confetti-tossed transfer station*). Эти места (или символы) образуют концептуальное пространство романа, дополняя концепт «одиночество» новыми смыслами пустоты, заброшенности, старости. Со старого красного трамвая начинается действие романа, и все герои романа живут на старом венецианском пирсе или около него. Сам пирс вызывает у персонажей романа ощущение тоски и близкой смерти. Например, в следующем контексте пространство вокруг пирса и без того пустое (*empty*) становится еще более пустым (*emptier*) при взгляде на пирс: «*The shore was empty now. But I had an even emptier feeling when I lifted my gaze to the old Venice pier*». Этот образ опустевшего пирса воспринимается как символ конечности жизни и отсутствия окружающих рядом в момент смерти (когда строители разбирали пирс, никто из персонажей романа не вышел посмотреть на последние секунды жизни этого места), так же и одинокие люди умирают в одиночестве (рядом с персонажами в этот момент находится только убийца, «напарник Смерти»): «*And it was... in one of those lonely years when the fogs never ended and the winds never stopped their laments, that riding the old red trolley, the high bucketing thunder, one night I met up with Death's friend and didn't know it*». В каждом контексте образные номинации концепта создают нужную атмосферу и заставляют читателя переживать то чувство одиночества, которое испытывает герой.

Изображая одиночество персонажей, автор тщательно подбирает метафору или синоним, не называя прямо это состояние и тем самым позволяя читателю самому определить правильное слово – одиночество. Например, метафора *a damp drear November in my soul* (сырой тоскливый ноябрь в моей душе), передает не только грусть, но и отчаяние человека, испытывающего одиночество.

Человек, находящийся в одиночестве, описывается как прямыми номинациями, так и образными. К прямым относится прилагательное *lonely*, которое в тексте романа пишется с большой буквы и употребляется в качестве существительного вместе с определенным артиклем,

т. е. в значении «одиночки». К образным номинациям, обозначающим субъект, относятся: *archaeopteryx* (птица археоптерикс), *ghost* (призрак), *a failure* (неудачник), *single soul* (одинокая душа), *lost creatures* (потерянные создания) и т.п. Один из персонажей романа описывается как сказочная принцесса «*somewhere far above, where ancient Rapunzel without hair was lost in her tower*», что дополняет образ одинокого человека как всеми забытого, покинутого. Другой персонаж сравнивает одинокого человека с неудачником, т. е. все эти образы показывают одинокого человека как никому не нужного, незаметного, потерянного. Одиноким людям нужна общность, но не стремятся искать его самостоятельно. Для них одиночество – это особое эмоциональное и физическое состояние и это часть их жизни.

Образные номинации также выполняют функцию конкретизации характерных качеств одинокого человека: «*All the gravel on the path, chaff in the wind, empty shells on the shore, dice with no spots, cards with no pips. No past, no present*». Одиноким человек – это не просто заблудшая душа, ищущая спасения («*someone falling off a cliff, asking to be saved, or someone swimming far out in the storm, wanting to be seen*»), это человек ненужный, брошенный, пустой, это «*гравий на дорожке, мякина на ветру, пустые ракушки на взморье, карты без тузов, игральные кости без точек. Ни прошлого, ни настоящего*» [Смерть – дело одинокое, с. 430].

Поскольку роман «Смерть – дело одинокое» написан в жанре нуар с детективной линией, то немаловажную роль в нем играет и образ убийцы. Он тоже человек одинокий, психиатр, живущий на старом пирсе. Его предназначение – это помощь людям, «лечение заблудших» («*meadow doctor to lost creatures*»). Так как он считает, что у одиноких нет ни прошлого, ни настоящего, то он совершает полезное дело – избавляет всех одиноких от будущего. В конце романа он сам произносит: «*I gave them no future*».

Таким образом, этот персонаж играет ключевую роль в формировании образа одинокого человека. Одиночество – это отсутствие жизни (нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего). Одиноким человек не живет, он никому не нужен.

Категория времени также играет важную роль в формировании образа одинокого человека. Прошлое одиноких людей может быть счастливым и полным интересных событий. В настоящем одинокие люди оправдывают свое состояние ушедшими годами славы и живут воспоминаниями. Будущее одинокого человека в романе представляется не слишком приятным. Оно холодное и темное. Автор использует, например, такие образы, как *dark ages of my future* (темные времена моего будущего) и *some cold future* (некое холодное будущее). Противопоставлением служит образ солнца, который может спасти не только всех одиноких людей, но и всю Венецию, штат Калифорния, где большую часть времени это самое солнце даже не появляется на небе: «*It's the forty or sixty day cycles that drip in the soul and make the riflemen clean their guns. Old ladies buy rat poison on the twelfth day of no sun. But on the thirteenth day,*

when they are about to arsenic their morning tea, the sun rises wondering what everyone is so upset about, and the old ladies feed the rats down by the canal, and lean back to their brandy».

В романе «Смерть – дело одинокое» репрезентированы когнитивные признаки ментальной сущности концепта «одиночество», связанные с отсутствием жизни, будущим одинокого человека и путями избавления от одиночества. Смерть воспринимается как благословение и избавление от одиночества, страданий, мрачных мыслей, спасение от ужасной жизни: *«Bless people with murder, keep them from suffering, put off their loneliness, sleep them from their private dooms, save them from life. Benefit them with sunsets».* Но есть и другой путь, избранный главным героем. Это семья, работа, любовь и счастье: *«I'm not a Lonely. I'm not a failure. I'm not lost. I'm going to make it. I'm going to be happy. I'm going to marry and have a good wife and children. I'm going to write damned fine books and be loved. That doesn't fit your pattern. You can't kill me, you damn stupid jerk, because I'm okay. You see? I'm going to live forever».* Именно это и является защитой от одиночества: *«Marry me at last, Peg, and protect me from the Lonelies».*

Образные репрезентации концепта «одиночество» в романе Рэя Брэдбери «Смерть – дело одинокое» играют важную роль в формировании художественного концепта, раскрывая новые аспекты в ментальной сущности самого концепта и конкретизируя концептуальные признаки, что способствует формированию индивидуально-авторской картины мира.

Итак, завершая анализ, попытаемся сформулировать представление об одиночестве, свойственное соответствующему художественному концепту в романе.

В анализируемом романе концепт «одиночество» представлен в основном образными репрезентациями. Одиночество определяется как такое состояние человека, в котором он находится где-либо один, без общества других людей, когда у него нет семьи, близких, друзей. Субъект, находящийся в одиночестве, испытывает в основном отрицательные эмоции, даже если одиночество не вынужденное, а желаемое. Одиноким человек страдает и не может самостоятельно выйти из состояния одиночества; он не оценивает свое состояние, так как одиночество для него сопряжено с состоянием страха и отчаяния, с чувством сильной тоски, собственной бесполезности, ненужности. Он уязвим, и окружающий мир воспринимается им враждебно и тот относится к нему враждебно (быть одиноким – это преступление).

Окружающие воспринимают состояние одиночества как нечто естественное и необратимое. Для них одиноким человек – неудачливый, посредственный, заурядный. У такого человека нет ни прошлого, ни настоящего, значит не должно быть и будущего. Единственным выходом для него является смерть.

Субъект, находящийся в одиночестве, остро переживает это состояние и страдает от невозможности выйти из него. Защитой от одиночества является семья, состояние счастья и желание любить и быть любимым.

Образные номинации раскрывают концепт «одиночество» как физическое и эмоциональное состояние. С одной стороны, это слова, отражающие пустоту пространства одинокого человека и отсутствие окружающих (например, *empty* или *nothing*), с другой стороны – это образы и символы, раскрывающие эмоциональное состояние субъекта и отношение к нему окружающих (например, *lost, a failure, with no one to care* и др.)

Литература и источники

Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева [и др.]: 8-е изд., стер. М.: Русский язык, 2003.

Бабенко Л. Г. Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремииологии): проспект словаря. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2010.

Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004.

Брэдбери Р. Смерть – дело одинокое: роман / пер. с англ. И. Разумовской, С. Самостреловой. М.: Эксмо; СПб.: Domino, 2009.

Синцов В.Ю. Образные средства, репрезентирующие концепт ‘Критика тоталитарного социально-политического режима’, в романе Д. Барнса «История мира в десяти с половиной главах» // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. № 13 (151). Вып. 31.

Bradbury R. *Death Is a Lonely Business*. New York: Harper Collins, 2013.

Oxford Advanced Learner's Dictionary / ed. by A.S. Hornby, 7th ed. Oxford: Oxford University Press, 2005. – xii + 1922 p.

References

Anglo-russkii sinonimicheskii slovar' / Yu.D. Apresyan, V.V. Botyakova, T.E. Latysheva i dr.: 8. izd. ster. M.: Russkii yazyk, 2003.

Babenco L. G. Predislovie /L. G. Babenko // Kontseptosfera russkogo yazyka: klyucheveye kontsepty i ikh reprezentatsii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): prospekt slovarya. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 2010.

Babenco L. G. Filologicheskii analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza: uchebnik dlya vuzov. M.: Akademicheskii Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2004.

Bredberi R. *Smert' – delo odinokoe*: roman / per. s angl. I. Razumovskoi, S. Samostrelivoi. M.: Eksmo; SPb.: Domino, 2009.

Sintsov V.Yu. Obraznye sredstva, reprezentiruyushchie kontsept 'Kritika totalitarnogo sotsial'no-politicheskogo rezhima', v romane D. Barnsa «Istoriya mira v desyati s polovinoi glavakh» // Vestn. Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2009. № 13 (51). Vyp. 31.

Bradbury R. *Death Is a Lonely Business*. New York: Harper Collins, 2013.

Oxford Advanced Learner's Dictionary / ed. by A.S. Hornby: 7th ed. Oxford: Oxford University Press, 2005. – xii + 1922 p.

Shushmarchenko E.A. (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin. Ekaterinburg, Russian Federation)

The role of figurative nominations in formation of the concept «Loneliness» in a mystery novel by Ray Bradbury «Death Is a Lonely Business»

The article describes the concept «Loneliness» in fiction built upon the descriptions from the mystery novel by Ray Bradbury «Death Is a Lonely Business» where the concept shows up in figurative nominations that concretize conceptual dimensions and reveal its mental aspects. The results of the research present the individual idea of the loneliness in the text of the novel.

Keywords: *concept «Loneliness», figurative nominations, mental conceptual dimensions, concept in fiction.*

Shushmarchenko Ekaterina Aleksandrovna – aspirant, teaching assistant, department of linguistics and professional communication in foreign languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin.

E-mail: cait.riona@yahoo.com